

УДК 159.9.016.6

**К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне
Научная деятельность Б.М. Теплова
и его концепция творчества полководца
в процессе практического мышления¹**

Любимов Сергей Евгеньевич

Магистрант,
факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;
e-mail: sergey12321@ya.ru

Семёнов Игорь Никитович

Профессор,
Департамент психологии факультета социальных наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;
e-mail: i_samenov@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье характеризуются творческий путь и научная, педагогическая, организационная деятельность крупнейшего отечественного

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 15-05-0069 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

психофизиолога середины XX в., академика АПН РСФСР Б.М. Теплова. Особое внимание уделяется развернутому аналитическому обзору его классической в военной психологии концепции «Ум полководца». Этот труд, написанный и опубликованный автором во время Великой Отечественной войны, вызвал профессиональный интерес не только у психологов, но и у военачальников.

Для цитирования в научных исследованиях

Любимов С.Е., Семёнов И.Н. Научная деятельность Б.М. Теплова и его концепция творчества полководца в процессе практического мышления // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 3. С. 9-51.

Ключевые слова

Военная психология, практическое мышление, деятельность полководца, способности, индивидуальные различия, дифференциальная психофизиология, персонология, акмеология, педагогика.

Введение

Выдающийся российский психолог, психофизиолог и педагог, один из первых среди психологов академик Академии педагогических наук РСФСР, Борис Михайлович Теплов (1996-1965) знаменит созданием крупнейшей в отечественном человекознании научной школы дифференциальной психофизиологии, теоретико-экспериментальным изучением психологии индивидуальных различий, способностей, творческой одаренности и практического мышления на материале анализа полководческого искусства. В качестве заместителя директора Психологического института АПН РСФСР и главного редактора основного периодического издания в области человекознания «Вопросы психологии» Б.М. Теплов был одним из руководителей советской психологической науки и внес существенный вклад в ее послевоенное развитие.

Помимо теории, истории и методологии общей психологии, психофизиологии, дифференциальной и педагогической психологии способностей и индиви-

дуальных различий, Б.М. Теплов изучал также проблемы военной психологии, причем не только в практическом плане научно-методического обеспечения цветомаскировки, но также и в теоретическом аспекте анализа ума и воли полководца. Поскольку ныне в ряде горячих точек современного беспокойного мира ведутся боевые действия, то актуальным является обращение к аналитическому обзору военно-психологической концепции Б.М. Теплова (1896-1965) о практическом мышлении и воле военачальника как компонентов полководческого искусства. В этой работе Теплов очертил также феноменологию когнитивно-рефлективных и личностно-характерологических проявлений деятельности полководцев, что позволило охарактеризовать их индивидуальные различия. В дальнейшем в послевоенное время, в связи с социально-идеологической установкой советской науки на развитие психологии преимущественно с позиций использования учения И.П. Павлова, Б.М. Теплов ассимилирует физиологические средства анализа психики, разрабатывает оригинальные методы и принципы исследования свойств нервной системы и создает научную школу дифференциальной психофизиологии, где закладывает общепсихологические основы изучения способностей и одаренности.

Важно подчеркнуть, что из дифференциально-психологической школы вышли талантливые продолжатели дела Б.М. Теплова – руководившие после его смерти лабораторией В.Д. Небылицын (с 1965 по 1972) и Э.А. Голубева (с 1972 по 1993), а также крупные специалисты по психологии способностей (Н.С. Лейтес, Э.А. Голубева, А.А. Мелик-Пашаев и др.), индивидуальных различий (К.М. Гуревич, В.М. Русалов, Т.Ф. Базылевич) и многие другие. Хотя нам не довелось знать самого Б.М. Теплова, однако одному из нас пришлось тесно взаимодействовать по проблематике творческих способностей с рядом его сотрудников во главе с Э.А. Голубевой в процессе подготовки и проведения Московским философским обществом Научно-практической конференции «Педагогика и творчество», ибо редактируемый нами том IV материалов этой конференции (см.: [Пономарёв, Семёнов, Степанов, 1988]) содержал большой раздел по изучению способностей с позиций развития дифференциально-психологического подхода Б.М. Теплова.

Прежде чем обратиться к развернутому аналитическому обзору и теоретическому обобщению этой военно-психологической концепции Б.М. Теплова,

рассмотрим кратко его творческий путь и охарактеризуем направления осуществленной им в отечественной психологии научной деятельности.

Творческий путь Б.М. Теплова

После окончания в 1914 году гимназии с золотой медалью, Б.М. Теплов поступил на философское отделение историко-филологического факультета Московского императорского университета, откуда через два года был призван в армию, где участвовал в боях и окончил военную школу прапорщиков.

Исследовательская же деятельность Б.М. Теплова началась в научной школе основателя Психологического института при МГУ Г.И. Челпанова с участия в экспериментах его семинария в 1916 году и продолжалась в процессе завершения учебы в университете вплоть до 1921 года, но с перерывами на военную службу. Здесь ему было присвоено воинское звание комбрига, ибо он руководил военно-техническими подразделениями, где, в частности, изучал психофизиологические проблемы психологического обеспечения цветомаскировки. Выйдя в отставку, с 1933 года и до конца жизни Теплов преподавал в ряде вузов и занимался научной работой в родном Психологическом институте.

Сотрудничество Теплова с Институтом начало осуществляться еще в 1920-е гг. параллельно с работой в военных учреждениях. С 1929 года, когда по заданию Военно-технического совета РККА Теплов стал работать в Институте, и особенно после выхода в запас с 1933 года вся его научная работа осуществлялась в нем вплоть до кончины в 1965 году. С 1933 года он заведует лабораторией психофизиологии ощущений, с 1942 года – Отделом психологии мышления и речи во время эвакуации Института в г. Ашхабаде, где им было начато теоретико-аналитическое исследование «Ум и воля военачальника» (1943).

В связи с переводом в 1944 году Института из МГУ в АПН РСФСР, Б.М. Теплов обобщил свои наработки в области психологии способностей в статье «Способности и одаренность» и принялся за подготовку учебника «Психология» для средней школы (см.: [Теплов, 1952]). При этом он завершил свое военно-психологическое исследование, придал ему общепсихологиче-

ский статус в виде теоретической статьи «К вопросу о практическом мышлении (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам)» (1945). Эта статья была опубликована в трудах кафедры психологии МГУ под редакцией С.Л. Рубинштейна, который ратовал в своих «Основах общей психологии» (1940, 1946) за важность изучения практического мышления.

С 1945 года директором Института стал А.А. Смирнов, учившийся в семинариях Г.И. Челпанова, а заместителем директора по научной работе был назначен еще один его ученик – Б.М. Теплов, который в это время был избран академиком АПН РСФСР. В 1947 году в переиздание базового вузовского учебника «Психология» включаются разделы из учебника для средней школы Теплова, а также публикуется его книга по истории советской психологической науки (см.: [Теплов, 1947]). В 1950 году в связи с объединенной «Павловской» сессией АН СССР и АМН СССР Теплов выступил с докладом на Ученом совете Института, отстаивая специфику психологии и одновременно – ее развитие в конструктивном взаимодействии с учением И.П. Павлова о сигнальных системах и об их психофизиологических свойствах как естественнонаучной основе психики. В 1950-е гг. Б.М. Теплов разворачивает в созданной им в Институте в 1952 году лаборатории психофизиологии индивидуальных различий их исследование на основе определения типологических свойств нервной системы.

Параллельно с научно-исследовательской деятельностью Теплов преподавал во многих московских вузах. Так, с 1942 года преподавая в МГУ общую психологию и историю психологии, Теплов в 1950-1951 гг. был заведующим кафедрой общей психологии на философском факультете МГУ, а также в 1945-1957 гг. руководил кафедрой психологии в Академии общественных наук при ЦК КПСС. В качестве заместителя директора он организовал издание и редактировал с А.А. Смирновым двухтомный труд, обобщающий 40-летние достижения советских психологов «Психологическая наука в СССР» (1957, 1959).

На рубеже 1950-1960-х гг. Теплов создал научную школу дифференциальной психофизиологии, участники которой под руководством Теплова и В.Д. Небылицына начали проводить теоретико-экспериментальные исследования индивидуальных различий (см.: [Теплов, 1956-1972; Теплов, 1961]) и психофи-

зиологических основ психологии способностей (см.: [Голубева, 1997]). Труды Теплова и участников его научной школы оказали существенное влияние на развитие не только психофизиологии, но и на другие отрасли психологической науки.

Так, развиваемая нами научная школа рефлексивно-гуманитарной психологии творчества и Останкинская школа методологии эргономики нашего учителя Н.Г. Алексеева (см.: [Алексеев и др., 1996; Семёнов, 1992]) обратились в 1980-е гг. к анализу наследия Б.М. Теплова в целях ассимиляции его достижений для построения основ эргономики (см.: [Мунипов, Алексеев, Семёнов, 1979]). В связи с этим по инициативе В.В. Умрихина стали разрабатываться методологические средства экспликации концептуальных схем дифференциальной психофизиологии (см.: [Алексеев и др., 1996]). Это отвечало научным интересам В.В. Умрихина, ибо его научный руководитель, крупный историк психологии М.Г. Ярошевский, поставил перед своим аспирантом задачу – дать науковедческую характеристику развития школы Б.М. Теплова в сравнении с ее «предшественницей» – школой И.П. Павлова – и их «продолжательницей» – школой В.Д. Небылицына. В то время В.В. Умрихин, учась в аспирантуре созданного М.Г. Ярошевским сектора психологии научного творчества ИИЕиТ, параллельно сотрудничал с обеими нашими школами, участвуя в работе их методологического и психологического семинаров (руководимых соответственно Н.Г. Алексеевым и И.Н. Семёновым), которые вместе с Я.А. Пономарёвым организовали на базе ИПАН Всесоюзную секцию психологии творчества (см.: [Пономарёв, Алексеев, Семёнов, 1979]) при Обществе психологов СССР.

В этом социокультурном контексте один из нас в 1980-е гг. анализировал (с Н.Г. Алексеевым, В.К. Зарецким, С.Ю. Степановым, В.В. Умрихиным, А.Б. Холмогоровой и др.) в контексте развития эргономики (см.: [Мунипов, Алексеев, Семёнов, 1979]) труды школы Б.М. Теплова на предмет методологической квалификации разработанных им моделей психологических проявлений основных свойств нервной системы (см.: [Теплов, 1962]). В результате были эксплицированы (см.: [Алексеев и др., 1996]) концептуальные схемы, разработанные в научных школах физиолога И.П. Павлова (1951) и психологов Б.М. Теплова (1962), В.Д. Небылицына (1966). Эти схемы обобщают теорети-

ческие достижения научной школы Б.М. Теплова, послужившие базисом для дальнейшего развития дифференциальной психофизиологии индивидуальных различий и психологии способностей (К.М. Гуревич, Н.С. Лейтес, В.М. Русалов, Э.А. Голубева) в контексте педагогики (К.М. Гуревич, И.В. Дубровина) и акмеологии (Е.А. Климов, Т.Ф. Базылевич) как прикладных областей человекознания.

Основные направления научной деятельности Б.М. Теплова

Яркий, глубокий и разнообразный талант Б.М. Теплова проявился в различных сферах творческой, исследовательской, организационной и педагогической деятельности, которые он удивительным образом успешно совмещал, осуществляя свои психологические исследования в следующих основных тематических направлениях.

Во-первых, будучи от природы музыкально одаренным человеком и участвуя в дворянской семье музыке, он, получив в МГУ психологическое образование и совершенствуясь в сфере музыки в консерватории, профессионально стал изучать проблемы музыкального творчества (в том числе выявляя вокальные особенности оперного пения) и специальной одаренности, разработав в итоге общепсихологическую концепцию способностей.

Во-вторых, глубоко усвоив основы естествознания и интересуясь возможностями их применения в практической психологии, он внес существенный вклад в психофизиологическое изучение процессов ощущения и восприятия, исследуя сенсорную адаптацию, взаимодействие одновременных световых ощущений и соотношение пространственного и временного смещений цветов, в том числе на материале цветомаскировки и т.д. (см.: [Теплов, 2006]).

В-третьих, экспериментально-прикладное изучение этих познавательных процессов в контексте практических запросов организации воинского дела определило вклад Б.М. Теплова как практического психолога в военную психологию (при участии, например, в цветомаскировке Мавзолея и Большого театра). При этом он начал применять междисциплинарный подход к изучению военно-психологической проблематики, который много позже стал конструктивно при-

меняться в военной психологии, военной акмеологии (см.: [Корчемный, Лаптев, Михайловский, 1996]) и военной педагогике (см.: [Анохин, Семёнов, 2001]).

В-четвертых, историко-культурологическое и теоретико-аналитическое изучение воинского искусства на предмет психологической характеристики и выявления индивидуальных различий и интеллектуально-личностных особенностей «ума полководца» на обширном материале военной истории и философско-художественной литературы. Этот беспрецедентный для психологии междисциплинарный труд, написанный во время войны и первоначально называвшийся «Ум и воля военачальника», одобрил сам генералиссимус И.В. Сталин, правда, вычеркнув упоминания о выдающемся полководце Гражданской войны М.В. Фрунзе.

В-пятых, новаторское теоретико-экспериментальное развитие учения И.П. Павлова о типах нервной системы привело к психофизиологической характеристике оригинальными методами индивидуальных различий функционирования психики животных и человека.

В-шестых, общепсихологическая трактовка результатов психофизиологических исследований индивидуальных различий в контексте изучения проблематики способностей заложила теоретические основы для создания научной школы отечественной дифференциальной психофизиологии.

В-седьмых, теоретико-методологическое изучение проблемы взаимодействия объективных методик (в том числе психофизиологических, а также факторного анализа (см.: [Теплов, 1967])) и субъективных методов (в том числе самонаблюдения) и их роли в интеграции количественного и качественного анализа в психологических и междисциплинарных исследованиях в сфере человекознания.

В-восьмых, историко-научное изучение эволюции принципов, методов и достижений отечественной психологической науки проводилось в соотнесении с зарубежной философско-психологической мыслью и современной педагогической и организационной практикой.

В-девятых, реализовывалась педагогическая деятельность в виде преподавания психологии в средних и высших учебных заведениях, написания обобщающих достижения психологической науки оригинальных учебников для

средней и высшей школы, а также заведования кафедрами психологии в МГУ и Академии общественных наук.

В-десятых, осуществлялась научно-организационная деятельность в качестве заведующего лабораториями и отделами, в виде работы заместителем директора Психологического института, а также – в редколлегии журнала «Вопросы психологии», в руководстве Общества психологов и Академии педагогических наук. При этом Теплов не только реализовал свои интеллектуально-организационные способности и волевые ресурсы своего характера, но и использовал опыт рефлексии полководческого мастерства, приобретенный им в процессе теоретико-психологического изучения «Ума и воли военачальника» (1944).

Хотя кроме Б.М. Теплова вопросы военной психологии в Институте в то время изучали и другие ученые (Т.Е. Егоров «Психология командования», Н.И. Жинкин «Психология боя», К.А. Шеришев «Суворов как военный психолог»), однако именно этот его труд получил широкую известность не только среди психологов, но и широкой общественности, интересующейся военной и гражданской историей, культурологией, управлением и даже филологией, ибо он написан прекрасным литературным языком и в тоже время содержит массу интересной, но точной информации, причем не только эксплицитной, но и имплицитной. Когда эту статью прочел главнокомандующий И.В. Сталин, то он одобрил ее, правда, вычеркнув упоминание о выдающемся полководце гражданской войны М.В. Фрунзе. Это ревнивое редактирование психолога маршалом может служить косвенным свидетельством в пользу версии писателя А. Бабеля (о несчастливой смерти М.В. Фрунзе на операционном столе), изложенной им в знаменитой «Повести непогашенной луны».

Позднее военно-психологическая работа Б.М. Теплова стала называться просто «Ум полководца» (см.: [Теплов, 1985, т. I]). Она была начата им в военный период эвакуации Института в г. Ашхабад и была опубликована в первом кратком варианте «Ум и воля военачальника» (1943) в самый разгар войны. Второй, более развернутый текст статьи «К вопросу о практическом мышлении» (Теплов, 1945) был издан под редакцией С.Л. Рубинштейна в трудах кафедры психологии МГУ, где по его приглашению Б.М. Теплов вел курс истории психологии, а ассистировал ему будущий историк психологии М.Г. Ярошевский. Наконец, третий, канониче-

ский вариант под названием «Ум полководца» был опубликован под редакцией самого Б.М. Теплова в сборнике его избранных трудов «Проблемы индивидуальных различий» (см.: [Теплов, 1961]). Ввиду общепсихологического значения и междисциплинарного характера этого новаторского труда для человекознания, обратимся к его рефлексивно-психологическому анализу в целях изучения феноменологии полководческого искусства и экспликации когнитивно-интуитивных и рефлексивно-личностных аспектов реального процесса творческого мышления.

Социокультурные предпосылки анализа мышления полководцев

Война как общечеловеческий феномен является предметом споров в течение практически всей истории человечества. Понять ее природу и сущность пытались писатели, философы, ученые и, конечно же, сами военные. Разумеется, представители разных профессий придерживаются различных взглядов. Это неудивительно. Однако в истории культуры были мыслители, которые объединяли в себе талант писателя, мудрость философа, пытливость ученого и дисциплинированность военного.

История знает несколько представителей людей такого рода. Первыми были древнекитайские философы. Когда встает вопрос о военной мысли в древнем Китае, на ум в первую очередь приходит имя полководца Сунь-Цзы, чьи идеи стали основой для военного искусства по всему миру (см.: [Сунь-Цзы, 1998]). Так, в дальнейшем его мысли нашли свое отражение во многих азиатских и европейских трактатах о военном искусстве. Говоря об Азии, нельзя не вспомнить имя У-Цзы, чьи идеи на несколько веков опередили свое время и были слишком оригинальными для понимания современников (см.: [У-Цзы, 2011]). В европейской традиции мы находим целую плеяду военных теоретиков, развивавших интеллектуальное наследие Сунь-Цзы². В данном случае можно

---

2 Знакомство с интеллектуальным наследием таких древнекитайских мыслителей, как Сунь-Цзы, произошло в результате великих географических открытий и общего развития мореплавания в Европе. Именно поэтому следы влияния Сунь-Цзы на европейскую мысль начинают проследиваться лишь начиная с эпохи Возрождения.

вспомнить Никколо Макиавелли – выдающегося и крайне радикального политического теоретика эпохи Возрождения (см. трактат Никколо Макиавелли «О военном искусстве» (“Dell’arte della guerra”) [Макиавелли, 2002]), а также Карла фон Клаузевица (см.: [Клаузевиц, 1989]) – прусского офицера, совершившего настоящий переворот в теоретических основах военного дела.

Россия искони понималась как государство, расположенное на границе Европы и Азии. Именно этим фактом были обусловлены многочисленные споры между западниками и славянофилами в XIX веке по поводу самоопределения России и ее места в развитии человеческой цивилизации. Разумеется, поскольку европейские мыслители восприняли основные интенции трактата древнекитайского мыслителя Сунь-Цзы о военном искусстве, то не могли их не воспринять и русские философы и полководцы. Пожалуй, наиболее фундаментальной работой данного плана является трактат А.В. Суворова «Наука побеждать». Однако работа Суворова при всей своей значимости является сугубо практическим руководством, содержащим в себе набор правил, которыми должен руководствоваться хороший полководец. Эту работу лишь с большой оговоркой можно назвать теоретическим трактатом, хотя повторимся, что философские пассажи в ней, несомненно, присутствуют. В качестве признанного теоретического труда, в котором изложены характерные особенности деятельности полководца, мы будем анализировать знаменитую работу Б.М. Теплова «Ум полководца».

Общественная мысль России с XVIII в. постоянно обращалась к анализу полководческого искусства. В связи с этим переводились посвященные ему западноевропейские труды (см.: [Ля Фе де, 1759; Клаузевиц, 1989]) и изучались его различные аспекты, в том числе военно-исторические (см.: [Савинкин, Домнин, 2000]), философско-психологические (см.: [Зыков, 1898; Глоточкин, Платонов, 1972; Ломов, 1983]), теоретико-методологические (см.: [Дмитриев, 1973]), акмеолого-педагогические (см.: [Корчемный, Лаптев, Михайловский, 1996; Анохин, Семёнов, 2001]). Труд Б.М. Теплова является одной из первых выполненных в России крупных работ, посвященных теоретическим аспектам деятельности полководцев. Этим объясняется научная ценность анализируемой нами работы, в развитии идей которой осуществлялось становление совет-

ской военной психологии (А.В. Барабанщиков, А.Д. Глоточкин, А.А. Деркач, М.И. Дьяченко, В.П. Зинченко, А.А. Кандыбович, А.И. Китов, Н.И. Конюхов, П.А. Корчемный, Л.Г. Лаптев, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов, В.М. Пономаренко, С.И. Съедин, А.Ф. Шрамченко и др.).

Актуальность же обращения ныне к военно-психологической проблематике не вызывает сомнений, поскольку войны сопровождали человечество на всех стадиях развития цивилизации. В связи с последними геополитическими изменениями опасность новой войны возрастает с каждым днем. В ходе данной исследовательской работы мы попытаемся выделить те качества, которыми, согласно Теплову, должен обладать каждый успешный полководец, а также реконструируем его аргументацию, чтобы понять основания его выводов. Для этого проанализируем понятия «мышление» и «интуиция», которые использует Теплов, а также рассмотрим его теоретические основания.

Проблема теоретического и практического мышления в концепции Б.М. Теплова

В структуре труда «Ум полководца» формально можно выделить три основные части. В первой части автор анализирует проблему мышления, чтобы показать, в какой именно области мыслительных процессов находится ум полководца. Во второй части Теплов переходит непосредственно к анализу тех качеств и способностей ума, которыми должен обладать полководец для совершения им эффективной деятельности в военных условиях. Наконец, третья часть данной работы посвящена одной из главных способностей – интуиции. Поскольку данная способность во многом иррациональна, то, бесспорно, возникают некоторые сложности с ее определением. Тем не менее автор справляется с этой задачей, используя при этом опыт западноевропейской философии. Итак, перейдем к анализу первой части работы «Ум полководца».

В самом начале своего исследования Б.М. Теплов отмечает, что «вопросы мышления всегда ставились наиболее абстрактно» [Теплов, 1985, т. I, 223]. Согласно его позиции, это обусловлено сильным влиянием философии на психологические исследования. Стремясь разобраться в конкретных причинах того,

почему проблема мышления всегда ставилась предельно абстрактно, автор приходит к выводу, что это связано с тем, что роль практического мышления существенно недооценивалась по сравнению со значением мышления теоретического. Теплов же в рамках своего исследования пытался одним из первых поставить вопрос о мышлении предельно конкретно, и именно в этом во многом заключается его оригинальность как исследователя.

В свою очередь, для того чтобы работать с областью практического мышления, необходимо сначала доказать ее актуальность. Это и делает Теплов, исправляя традиционное заблуждение, согласно которому лишь практическое мышление имеет дело с конкретными действиями людей, при этом не играя значительной роли в выработке универсальных законов природы и общества. Так, он пишет: «Теоретическое и практическое мышление имеют равное отношение к практической деятельности. У практика возможности пользоваться гипотезами несравненно более ограничены, так как проверяться эти гипотезы должны не в специальных экспериментах, а в самой жизни, и – что особенно важно – практик не всегда имеет время для такого рода проверок» [там же, 225].

Таким образом, согласно Теплову, разница между теоретическим и практическим мышлением не качественная, а сугубо количественная. Теоретическое и практическое мышление в одинаковой степени связаны, с одной стороны, с практикой, а с другой – с выработкой некоторых универсальных законов. Отличие заключается лишь в том, что у практика меньше времени и возможностей для построения и проверки гипотез, чем у теоретика. Тем не менее, как мы видим, согласно Теплову, практическое мышление все же способно к построению гипотез. Соответственно, возникает вопрос: если разница между теоретическим и практическим мышлением не сущностная, а сугубо количественная, то почему теоретическое мышление считается более важным по сравнению с мышлением практическим.

Согласно Теплову, истоки этого допущения восходят еще к Аристотелю и базируются на его учении о душе (см.: [Семёнов, 1972, т. 5]) и о теоретическом уме (*Sophia*) и практическом уме (*phronesis*), которое было изложено в V книге «Никомаховой этики». Как отмечает Теплов, в данной работе Аристотель называет высшей способностью и высшей добродетелью человека именно

теоретический ум, поскольку именно теоретическим умом (Sophia) в первую очередь должны обладать математики, физики и, конечно, философы, чтобы анализировать и выделять законы бытия и мироздания. Практическим же умом (phronesis), согласно Аристотелю, должны обладать преимущественно политики [Теплов, 1985, т. I, 226], то есть люди, принимающие конкретные решения в своей повседневной деятельности. Управление государством, согласно Аристотелю, безусловно, является крайне важной задачей, однако, как отмечает Теплов, эта задача не ведет нас по пути познания объективной истины этого мира. Согласно Теплову, именно с легкой подачи Аристотеля теоретический ум получил привилегированное положение по сравнению с умом практическим.

Данное положение лишь подкреплялось на протяжении эпохи Просвещения, поскольку ее главной ценностью являлось научное познание мира, в основе которого также лежит работа прежде всего теоретического ума. Как отмечает Теплов, по сути, одну из первых попыток со времен Аристотеля вернуть практическому уму его истинное значение предпринял С.Л. Рубинштейн (о его философско-психологической системе см.: [Семёнов, 2009]) в труде «Основы общей психологии» (1940), награжденном во время войны государственной Сталинской премией. Вслед за С.Л. Рубинштейном Б.М. Теплов пытается в этой части своей работы «Ум полководца» обосновать не только важность практического ума, но и его привилегированное положение по отношению к уму теоретическому. Главным аргументом в пользу этого, согласно его позиции, является то обстоятельство, что несмотря на лишь количественную разницу в работе теоретического и практического ума, на плечах практика лежит большая ответственность, нежели на теоретике [Теплов, 1985, т. I, 226]. Напомним, что в то время как теоретик обычно работает в лабораторных условиях, практик вынужден работать в рамках всего государства и общества, причем – в отличие от теоретика – у него нет права на ошибку. Любое решение практика так или иначе сказывается на будущем общества и государства.

Таким образом, уже в самом начале своей работы Теплов вступает в противоречие со всей действующей традицией понимания мышления. Он не только отстаивает равное значение обоих видов ума, но и доказывает привилегированность практического ума по сравнению с теоретическим. Так, согласно по-

зиции автора, «ум полководца является одним из характернейших примеров практического ума, в котором с чрезвычайной яркостью выступают своеобразные черты последнего» [там же, 227]. Стоит отметить, что работа «Ум полководца» была опубликована в 1943 году, то есть во время, когда Вторая мировая война шла полным ходом, а советские войска постепенно начали переходить в контрнаступление. В связи с этим для самого Теплова актуальность рассматриваемой им проблемы является патриотически очень мотивированной.

Способности ума эффективного полководца: теоретически основания

Определив место ума полководца в общей системе мышления, а также внеся ряд смыслообразующих положений о природе и важности практического мышления, Б.М. Теплов приступает к анализу конкретных качеств, которыми должен обладать каждый эффективный и успешный полководец. Если при анализе разных типов мышления автор брал за основу учение Аристотеля, то для выделения конкретных качеств полководца в качестве фундамента была взята концепция Наполеона Бонапарта. Так, все необходимые успешному полководцу качества Наполеон представил в виде квадрата. «Принято думать, что от полководца требуется наличие двух качеств – выдающегося ума и сильной воли. Дарование настоящего полководца Наполеон сравнивал с квадратом, в котором основание – воля, высота – ум» [там же, 228]. Как отмечает Теплов, квадрат является своего рода идеальным типом и возможен только «при условии, если основание равно высоте» [там же], то есть когда ум и воля развиты в полководце гармонично и в равной степени.

Однако, как считает Теплов, такое положение дел встречается крайне редко. Зачастую ум и воля в полководце находятся в диспропорции. Это обстоятельство понимал и Наполеон, который писал: «Если воля значительно превышает ум, полководец будет действовать решительно и мужественно, но мало разумно; в обратном случае у него будут хорошие идеи и планы, но не хватит мужества и решительности осуществить их» [там же, 229]. Как отмечает Теплов, согласно Наполеону, отсутствие выдающегося ума менее критично для

полководца, чем отсутствие выдающейся воли. Так, ум может постепенно уравновеситься с волей по мере того, как полководец будет получать боевой опыт; если же у полководца отсутствует воля, то с этим уже ничего не поделаешь. Согласно Теплову, к таким выводам Наполеон пришел, наблюдая за своими собственными маршалами. Так, маршал Ланн, будучи бравым кавалеристом, всегда предпочитал идти в лобовую атаку на врага, что неизбежно приводило к большим людским жертвам. Такой была, например, его тактика в битве при Маренго, когда Наполеон чуть не проиграл сражение из-за высоких боевых потерь. Однако в своей последней битве при Ваграме Ланн проявил себя как выдающийся стратег; он спас целую дивизию солдат от неминуемой гибели, хотя при этом и погиб сам [там же].

Исходя из этого примера, мы видим, что способности ума могут прийти в равновесие с волей. Гипотетически, обратная ситуация, конечно, также не исключена. Однако ни Наполеон, ни Теплов не находят эмпирических доказательств, которые смогли бы подтвердить данную гипотезу. Действительно, в военной истории мы вряд ли найдем пример трусливого полководца, который в результате многочисленных боевых действий приобрел бы выдающуюся волю. Таковы теоретические основания проводимого в рамках трактата Б.М. Теплова анализа качеств успешного полководца. В дальнейшем Теплов детально конкретизирует каждый аспект и каждый проблемный вопрос, который может возникнуть в связи с «квадратом Наполеона».

Об уме полководца

Война есть ситуация чрезмерной опасности, когда в каждое мгновение умирают десятки, если не сотни людей, поэтому каждый миг может стать последним. Ощущая страх смерти, обычный человек стремится как можно быстрее укрыться в безопасном месте, где его жизни ничто не будет угрожать. Такова схема действий подавляющего большинства людей, попавших в гущу боевых действий. Причем стоит отметить, что страх смерти в данном случае могут испытывать все: от простого солдата до генерала армии, ведь никто не защищен от шальной пули или пушечного ядра. Единственное отличие в данном случае

заключается в том, что генерал армии вынужден сублимировать свой страх смерти, в противном случае, видя его страх и нерешительность, простые солдаты обратятся в бегство и сражение – а то и вся война – будет проиграно.

Теплов отмечает, что привыкнуть к постоянному страху смерти невозможно, так же как и сублимировать его достаточно долгое время. Страх смерти все равно выйдет наружу и парализует волю полководца в самый неподходящий для него момент. Таким образом, если человек способен испытывать страх смерти на поле боя, то он, несомненно, будет его испытывать, каким бы ухищрением он не прибегал, чтобы это скрыть. Однако, как можно догадаться, согласно Теплову, существует особый вид людей, которые не только не способны испытывать страх смерти в боевых условиях, но для которых опасность и вовсе становится своего рода катализатором для ума, активируя и оптимизируя его работу: «Бывают люди, для которых опасность является жизненной потребностью, которые стремятся к ней и в борьбе с ней находят величайшую радость жизни. Из таких людей выходят обычно крупные военные деятели» [там же, 237].

Данную способность Б.М. Теплов называет «способностью к максимальной продуктивности в условиях максимальной опасности» [там же, 238]. Согласно его позиции, эта способность является ключевой особенностью полководца и выступает гарантом его эффективной деятельности. Наличие данной способности не только выделяет человека среди прочих людей, но и является показателем великого духа. Таким образом, мы выделили первую, наиважнейшую способность, которой должен обладать каждый успешный полководец. Как видим, данная способность весьма уникальна и имеет две ключевые особенности: неспособность испытывать страх в боевых условиях и использование опасности в качестве катализатора умственных способностей.

В качестве примера такого рода человека и полководца Б.М. Теплов на этот раз использует образ А.В. Суворова, подчеркивая, что, будучи выдающимся и гениальным полководцем на поле боя в ситуации постоянной чрезмерной опасности, Суворов тем не менее обладал весьма скудными интеллектуальными способностями в повседневной жизни. Основываясь в данном вопросе на исследованиях М.И. Драгомирова, Б.М. Теплов приходит к мысли о том,

что именно опасность являлась основой гениальности А.В. Суворова. Она консолидировала в нем все имеющиеся интеллектуальные ресурсы для решения одной проблемы. Данный процесс был настолько успешен, что, как мы знаем, Суворов не проиграл ни одного сражения на протяжении всей своей боевой жизни.

В качестве второй отличительной особенности успешного полководца Теплов выделяет стремление видеть стоящую перед военачальником задачу целиком, а не по частям. Так, автор пишет: «Решение полководца, ведущее армию к поражению, будет плохим решением, хотя бы оно и содержало в себе глубокие, оригинальные и верные идеи и комбинации. Перед военачальником вопрос стоит в целом, и дело не столько в замечательных идеях, сколько в возможности охватить весь вопрос в целом» [Теплов, 1985, т. I, 240]. Здесь мы снова возвращаемся к отличительным особенностям теоретического и практического ума. Так, в случае теоретического ума ложные компоненты могут еще не означать ложности решения в целом, в то время как в случае практического ума даже один ложный компонент приведет к неудаче всего плана боевых действий в целом. При этом Теплов еще раз обращает внимание на ту колоссальную ответственность, которую несет на себе каждый полководец, что, в свою очередь, еще раз подтверждает его тезис о взаимоотношении теоретического и практического ума.

Логическим продолжением способности полководца к охвату всей проблемы в целом является его способность замечать и отмечать даже мельчайшие детали окружающей его обстановки. Речь идет о таких аспектах, как географическое положение, построение войск противника, особенности административного устройства его штаба и т.д. Теплов пишет: «В военном деле конкретность мышления – необходимое условие успеха. Подлинный военный гений – это всегда и гений целого, и гений деталей» [там же, 241]. В качестве примера такого рода полководца Теплов на этот раз вновь использует образ Наполеона. Как отмечает автор, в ходе своей Итальянской кампании Наполеон порой знал особенности географического положения армии противника и особенности его тактического построения лучше, чем вражеские генералы. Теплов еще раз подчеркивает, что «такое внимание к мелочам вовсе не есть специальная осо-

бенность Наполеона и его «школы»: эта черта свойственна всякому подлинно большому полководцу» [там же].

Итак, согласно Теплову, эффективный и успешный полководец, будучи окрылен чувством чрезмерной опасности, должен увидеть всю стоящую перед ним задачу в целом, основываясь на огромном количестве эмпирических деталей и сведений. После построения общей картины, полководец принимает конкретное решение о том, как ему действовать. В этом, согласно позиции автора, заключается основной мыслительный процесс ума полководца. В дальнейшем Теплов конкретизирует его, указывая на ряд дополнительных качеств и способностей полководца.

Поле боевых действий является весьма хаотичным пространством, где каждое мгновение происходят изменения в положении войск и его численности. В связи с этим, согласно Теплову, успешный полководец должен не просто принимать решения по вышеописанной схеме, он должен это делать еще и в крайне сжатые сроки: «Жесткие условия времени – одна из самых характерных особенностей работы практического ума полководца» [там же, 245]. При этом Теплов отмечает, что ведение боевых действий совсем не похоже на игру в шахматы, где у каждого игрока есть определенное время на то, чтобы обдумать свой следующий ход. В ситуации боевых действий решения должны приниматься крайне быстро, ибо всегда существует необходимость корректировать свою стратегию в соответствии с действиями армии противника. В качестве примера в данном случае Теплов также использует образ Наполеона, который обладал данным качеством и мог мгновенно корректировать свой план в соответствии с ситуацией. Так, именно это качество, согласно Теплову, помогло ему всего за несколько часов разбить практически всю русскую армию в битве при Фридланде, где Наполеон сначала допустил ошибку, недооценив численность армии противника, однако, осознав это, он тут же отправил за подкреплением, что в результате позволило ему окружить русскую армию и разгромить ее [там же].

Как видим, способность быстро реагировать на действия противника относится ко всему когнитивному процессу деятельности полководца в целом. Следующая способность ума полководца уже относится лишь к одной его ча-

сти. Так, согласно Теплову, успешный военачальник должен также обладать выдающейся памятью. Эта способность необходима для удержания в голове всех имеющихся деталей во время процесса их анализа и синтеза. Только в данном случае будет получена целостная картина, адекватно отображающая реальное положение дел. Если же память полководца плоха, то выделенные им детали могут не найти свое отражение в собранной целостности, даже если эти детали и были выделены полководцем верно. В качестве примера Теплов снова обращается к образу Наполеона: «Память у Наполеона была исключительной. В 1788 г., будучи поручиком, посаженным за что-то на гауптвахту, он нашел неизвестно откуда взявшийся том юстиниановского сборника. Он не только прочел его от доски до доски, но и 15 лет спустя изумлял знаменитых французских юристов дословным знанием дигест³» [там же, 247].

Однако полководец, пусть даже и успешный, все же является человеком. Это означает, что рациональность полководца является весьма ограниченной и, более того, он постоянно находится в ситуации неполноты информации. Так, сложно себе представить, чтобы противник стремился сообщить полководцу как можно больше информации о себе и своей армии. Напротив, полководцы по обе стороны стремятся запутать и дезинформировать друг друга, чтобы получить в результате стратегическое преимущество. В связи с этим, даже обладая всеми вышеперечисленными способностями, полководец может потерпеть поражение в том случае, если собранные им данные о противнике заведомо были ложными. Чтобы избежать этого, согласно Теплову, успешный полководец должен обладать еще одним немаловажным качеством – предвидением.

В связи с этим Б.М. Теплов ссылается на крупного военного историка и теоретика К. Клаузевица, который в своем знаменитом трактате «О войне» отмечал: «Конечно, не всегда обстановка бывает столь темной для полководца, но она всегда может оказаться таковой, и ум полководца всегда должен быть готов к тому, чтобы мерцанием своего внутреннего света прозреть сгустившиеся сумерки и нащупать истину» [там же, 251]. В связи с этим возникает вопрос: как можно четко определить, что такое «мерцание внутреннего света»? На данный вопрос и пытается ответить Теплов. Согласно его позиции, прозрение – это

---

3 Дигесты – положения кодекса.

«особая способность ума, которая основывается на том, что получаемые в ходе анализа эмпирические данные со временем начинают противоречить друг другу» [там же, 253]. Стоит отметить, что прозрение в данном случае вовсе не помогает полководцу изобрести необычайно искусный план боевых действий. С точки зрения Теплова, прозрение – это прежде всего способность увидеть собственную ошибку до тех пор, пока не будет слишком поздно, чтобы исправить ее.

Таким образом, к способности ума полководца к предвидению примыкает также способность быстро находить новые решения при непредвиденном изменении обстановки. Эти две способности, согласно Теплову, неразрывно связаны друг с другом: ведь просто увидеть допущенную ошибку недостаточно, чтобы избежать поражения, так же как и умение быстро находить новые решения бесполезно, если полководец не увидел ошибочность своего изначального плана. В качестве исторического примера Теплов вновь задействует образ Наполеона в силу его наглядности: «Наполеон обладал выдающимся предвидением до тех пор, пока начал думать, что противник всегда намного слабее его» [там же]. В свою очередь, именно это заблуждение и неспособность Наполеона дальше сохранять ясность ума и привели его к поражению во время военной кампании в России.

Итак, все качества ума полководца, выделяемые Тепловым, можно разделить на базовые и дополнительные. К базовым способностям относятся прежде всего способность к максимальной продуктивности в условиях максимальной опасности, способность видеть задачу в целом, не разбивая ее по частям, и способность выделять все детали касательно административного устройства собственного штаба и особенностей местоположения армии противника. В свою очередь, к дополнительным способностям ума полководца Теплов относит память, позволяющую удерживать все имеющиеся детали в процессе их анализа, и предвидение, благодаря которому полководец может увидеть допущенную им ошибку и исправить ее в силу способности находить новые решения при непредвиденном изменении обстановки. Также к числу дополнительных способностей, согласно Теплову, примыкает и умение принимать решения в крайне сжатые сроки.

Стоит отметить, что, несмотря на вышеописанное деление, все способности без исключения являются необходимыми для успешной деятельности полководца. Различие в данном случае заключается лишь в том, что без наличия первых трех способностей вторые три окажутся бесполезными в ходе боевых действий, так как память, предвидение и умение работать в сжатые сроки улучшают определенные аспекты когнитивного процесса полководца, но не определяют его характер сам по себе.

Однако существует еще одна способность полководца, которую Теплов выделяет особенно – это интуиция. Именно ее он анализирует в третьей части своей работы. Это особое внимание во многом объясняется тем, что данную способность крайне сложно определить в силу ее метафизического характера. В связи с этим Теплов задействует мощный философский аппарат, реконструируя феноменологическую и неокантианскую аргументацию в понимании природы интуиции.

Понятие интуиции в концепции практического мышления Б.М. Теплова

В самом начале третьей части своего труда Б.М. Теплов вновь обращается к К. Клаузевицу, поскольку на протяжении всего XIX века именно он был самым крупным военным теоретиком, который (как позднее и сам Теплов) пытался определить природу и сущность интуиции полководца. Так, Теплов отмечает: «Иногда для обозначения интуиции употребляют французское выражение *coup d'oeil*. В этом выражении по словам Клаузевица часто идет речь не просто о физическом глазе, а о духовном оке... Если совлечь с этого понятия то, что ему придаёт оттенок чрезмерно образного и ограниченного, то оно будет означать не что иное, как быстрое улавливание истины, или совершенно недоступной для среднего ума, или дающейся ему после продолжительного рассмотрения и обдумывания» [там же, 272].

Использование термина *coup d'oeil* имеет весьма долгую традицию в военно-философских трактатах. Именно данный термин обозначал «интуицию» вплоть до того момента, как широкое распространение получили идеи

И. Канта, изложенные им в знаменитых трех критиках⁴. Данным понятием оперировал, например, Фридрих Великий в труде «Частные инструкции» (1753). Этим же понятием пользовался и Наполеон в «Записках об Итальянской кампании». Наконец, данное понятие использует и Клаузевиц в своем трактате «О войне». В общем виде *coup d'oeil* понимается как дар Бога, который может быть лишь дарован им, но не может быть приобретен человеком. Суть данной способности сводится к тому, что благодаря ей человек – и в особенности полководец – обращает внимание на такие детали, которые являются незаметными для обычного глаза, и свободно оперирует ими, обращая недостатки армии противника против него самого.

Разумеется, особую способность, которая к тому же предпосылается человеку Богом и никак иначе, практически невозможно определить с помощью понятий. В данной конструкции интуиция предстает как трансцендентная способность, которая находится за пределами разума человека. Именно поэтому она не устраивает Б.М. Теплова, и он продолжает свои попытки определения интуиции, задействуя на этот раз философские идеи И. Канта, изложенные преимущественно в работе «Предполагаемое начало человеческой истории». В этой работе Кант также обращается к понятию *coup d'oeil*, однако довольно сильно меняет его значение. Так, согласно Канту, интуиция понимается прежде всего как врожденный инстинкт, двумя главными характеристиками которого являются бессознательность и произвольность [Кант, 1994, т. 8, 546]. Именно эти две характеристики интуиции и выделяет Теплов в труде «Ум полководца».

Согласно Теплову, когда речь идет об интуиции, то мы всегда имеем дело с инстинктом. В свою очередь, инстинкт относится к сфере иррационального, а потому интуиция, с точки зрения автора, не может рассматриваться как способность непосредственно ума полководца. В этом заключается исключительная особенность интуиции по сравнению со всеми прочими способностями, о которых говорилось ранее. В то время как все они находятся в сфере ума и являются его неотъемлемыми компонентами, интуиция к сфере ума не принад-

---

4 Речь идёт о работах И. Канта «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790).

лежит, но тем не менее, согласно Теплову, оказывает непосредственное воздействие на него.

Отнюдь не последнее место в понимании интуиции Б.М. Тепловым сыграла ее феноменологическая трактовка в таких трудах Э. Гуссерля, как «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» и «Картезианские размышления». Здесь Гуссерль обращает наше внимание на понятие интенциональности и интересубъективности. Первое понятие означает направленность сознания на какой-то объект, а второе – познание себя через другого путем выхода за границы собственной телесности. Интуиция же в данном случае выступает в роли связующего звена этих двух понятий, без которого интересубъективность была бы невозможна. Гуссерль не отрицает позиции Канта о том, что интуиция является инстинктом. В свою очередь, наличие данного инстинкта является неким общим качеством для всего человечества, которое между тем может быть развито в разной степени. Именно благодаря наличию данного общего для всех людей инстинкта и становится возможным проникновение во внутренний мир другого субъекта, познание себя через другого и интересубъективность как таковая [Гуссерль, 2006, 318]. Заметим, что в современной философии (В.Ф. Асмус, М.М. Бахтин, М. Бунге, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий и др.) и психологии интуиция (Г.Н. Бершацкий, Я.А. Пономарёв и др.) и интересубъективность (Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.) стали предметом специального теоретического изучения.

Б.М. Теплов переносит данные феноменологические идеи в сферу практического мышления. Согласно его позиции, в ходе боевых действий крайне важно познание себя через другого. Подлинно успешный и эффективный полководец знает, в чем заключаются его сильные и слабые стороны, а знает он это благодаря познанию себя через вражеского полководца. В данном случае Теплов практически дословно воспроизводит древнюю максиму, впервые сформулированную в трактате Сунь-Цзы «Искусство войны»: «познай себя, познай своего врага, и ты победишь» [Сунь-Цзы, 1998, 89]. Данный же вид познания, как мы видим, возможен только посредством интуиции и интересубъективности. Стоит еще раз подчеркнуть, что хоть в данном случае речь

и идет о познании, тем не менее это познание нельзя назвать рациональным, поскольку интуиции не лежит в сфере ума, а является проявлением инстинкта. В современной психологии интуиция с иных позиций стала предметом специальных теоретических и экспериментальных исследований (см.: [Бершацкий, Семёнов, 2003; Пономарёв, 1967]).

Двумя главными персонажами, на примере которых Теплов показывает механизм работы интуиции, являются Наполеон и М.И. Кутузов [Теплов, 1985, т. I, 278]. Несмотря на всю значимость для концепции Теплова идей Наполеона и его выдающихся военных достижений, автор все же считает, что Наполеон не обладал развитой интуицией. Конечно, как базовый человеческий инстинкт она у него все же была, однако, согласно Теплову, Наполеон признавал примат ума над инстинктами, когда речь шла о планировании и ведении боевых действий. Именно по этой причине, согласно позиции Теплова, он и проиграл в конечном счете М.И. Кутузову, у которого интуиция была развита лучше, чем у любого другого полководца того времени. Именно выдающаяся интуиция позволила Кутузову предвидеть все последствия своих действий, когда тот решил оставить Москву на милость французов. Таким образом, согласно Теплову, выдающаяся интуиция Кутузова смогла превозмочь всю когнитивную мощь ума Наполеона, который в своих действиях всегда делал ставку на рациональный расчет, а не на следование своим инстинктам.

Тем не менее это вовсе не означает, что интуиция в деятельности полководца играет более значительную роль, чем способности его ума. Вероятно, перевес интуиции Кутузова над расчетами Наполеона в данной ситуации был скорее делом случая, нежели проявлением строгого закона. Стоит отметить, что сам Теплов не проводит сравнительного анализа ценности интуиции и ума, однако тот факт, что написанное им исследование все же посвящено проблемам мышления, позволяет предположить, что все же ум для него обладает большей ценностью, чем интуиция, хотя она, бесспорно, оказывает огромное значение на работу ума и принятие решений. В противном случае работа Б.М. Теплова называлась бы «Интуиция полководца», а не «Ум полководца».

В конце этой части своего труда Теплов наконец формулирует собственное определение интуиции: «Интуицией можно назвать всякую оригинальную

идею, которая приходит в голову не в процессе работы над данным вопросом, не в результате специального сосредоточения на нем внимания, а внезапно, неожиданно для самого автора этой идеи, в тот момент, когда он занят совсем другим делом и о данном вопросе вовсе не думает. Интуиция – это чрезвычайно быстрое, иногда почти мгновенное понимание сложной ситуации и нахождение правильного решения. Она возможна, однако, не иначе как в результате длительной, сложной, кропотливой подготовительной работы. Интуиция – это быстрое решение, требующее длительной подготовки» [там же, 281]. В данном определении Теплов еще раз подчеркивает, что интуиция не лежит в сфере ума, а является независимой от него способностью, которая основана на базовом для всего человечества инстинкте. Именно в силу своей инстинктивной природы, согласно Теплову, человек, обладающий развитой интуицией, способен быстро принимать наиболее эффективные решения.

Определив природу интуиции, Теплов завершает свой анализ способностей ума полководца указанием на еще одно немаловажное, с его точки зрения, обстоятельство – наличие у успешного полководца всестороннего образования. Согласно позиции Теплова, именно всестороннее образование позволяет полководцу увидеть и идентифицировать самые мельчайшие детали при составлении плана боевых действий [там же, 284]. Если же полководец необразован, то он, даже обладая выдающимися способностями к анализу, никогда не сможет идентифицировать и определить все имеющиеся в его распоряжении детали. Это обстоятельство, согласно Теплову, понимали такие великие полководцы, как Наполеон и Суворов. Так, Наполеон постоянно занимался самообразованием, читая современную ему литературу и изучая иностранные языки. То же самое делал и Суворов, изучая современную ему поэзию и столь необходимый ему в военной кампании против Османской империи турецкий язык.

На этом Теплов заканчивает свой анализ способностей ума полководца и особенностей его деятельности при принятии решений. Однако наш аналитический обзор на этом не заканчивается, ибо необходимо обратиться к современным работам, посвященным анализу работы ума полководца, чтобы понять, насколько идеи Теплова оказались схожими с современными представлениями по данному вопросу. В связи с этим целесообразно рассмотреть хотя бы кратко

труд американского исследователя Э. Квейда «Анализ сложных систем (методология анализа при подготовке военных решений)».

Концепция принятия военных решений Э. Квейда

Это исследование представляет собой обработанный курс лекций, который был прочитан Квейдом перед группой офицеров воинских подразделений США во времена Холодной войны. Поскольку ныне существует опасность ее возникновения, то обращение к идеям данной работы становится весьма актуальным. Подобно Теплову, Квейд начинает построение своей концепции с определения природы мышления как такого и вслед за Аристотелем выделяет теоретический и практический ум. Также Квейд разделяет позицию Теплова по поводу того, что теоретический и практический ум имеют одинаковое отношение к практике и что деятельность практического ума гораздо ответственней деятельности ума теоретического [Квейд, 1969, 21]. Таким образом, концепция мышления как такового в работе Квейда перекликается с идеями Теплова, сформулированными им в труде «Ум полководца».

Однако, если на уровне определения природы мышления и соотношения теоретического и практического ума мы наблюдаем сходство обеих концепций, то на уровне определения способностей полководца и механизма принятия им решений мы встречаем острое противоречие между идеями Теплова и Квейда. Так, последний согласен с тем, что теоретическим умом обладают преимущественно ученые, а практическим – полководцы и политики. Тем не менее, согласно Квейду, крайне редким является случай, когда практический ум полководца обладает также и выдающимися аналитическими способностями, которые позволяют ему построить наиболее адекватную задачу боевых действий. В истории, согласно его концепции, можно найти очень мало таких примеров, среди которых находится полководческая деятельность Наполеона, Юлия Цезаря, Александра Македонского и т.п.

Соответственно, войны случаются гораздо чаще, чем в мире появляются выдающиеся и успешные полководцы, о которых пишет Б.М. Теплов. Квейд задается вопросом, как можно решить эту проблему. Так, согласно его пози-

ции, при принятии военных решений и разработке стратегии ведения боевых действий военачальник с развитым практическим умом должен объединяться с учеными, у которых развиты аналитические способности теоретического ума [там же, 35]. В данном случае должен произойти консенсус и объединение способностей нескольких людей для получения наиболее эффективного результата: «Роль ученых и специалистов в подготовке решения заключается в том, что они должны предоставить в распоряжение руководителя рекомендации, полученные в результате анализа проблемы, на основе которых можно принять решение» [там же, 28]. Пожалуй, с Квейдом действительно можно согласиться по поводу того, что в истории встречается крайне мало примеров полководцев с развитыми аналитическими способностями. Однако предлагаемое им решение этой проблемы кажется малоубедительным. С трудом можно представить, что полководец, находясь на поле боевых действий, будет совещаться с ученым всякий раз, когда нужно будет корректировать изначальный план. Ведь, как отмечал Теплов, «война мало похожа на игру в шахматы, в ней решения должны приниматься практически мгновенно, иначе полководцу грозит поражение» [Теплов, 1985, т. I, 275]. Изначально же учесть все риски и возможные вариации поведения противника также практически невозможно.

В дальнейшем Квейд все же признает тот факт, что, находясь на поле боевых действий, полководец постоянно оказывается в состоянии полной неопределенности, которая может привести его к катастрофе: «Для военного планирования характерны большая неопределенность при оценке основных факторов, обуславливающих выбор направления строительства вооруженных сил» [Квейд, 1969, 54]. Квейд признает, что полностью нивелировать данную неопределенность невозможно, даже если прибегнуть к помощи ученых с высокоразвитыми аналитическими способностями. Соответственно, степень неопределенности полководца можно только уменьшить. Однако даже такого рода уменьшение неопределенности все же не гарантирует успеха в боевых операциях. Вероятно, в данном случае полководцу просто не хватит времени, чтобы соизмерить все риски при принятии того или иного решения.

Каким именно требованиям должны удовлетворять полководцы, согласно позиции Квейда, понятно – они должны, прежде всего, осуществлять контроль

принятых решений. Однако сами решения полководцы практически не принимают, поскольку всю аналитическую работу за них делают ученые. Только основываясь на собранном ими материале, а не на собственных суждениях, полководец принимает конкретные действия на поле боя, что делает его стратегию весьма ограниченной. Каким же требованиям должны удовлетворять ученые, с точки зрения Квейда? Квейд выделяет три ключевых критерия: «Необходимо, чтобы результаты, достигнутые при анализе проблемы, мог воспроизвести другой ученый; все вычисления, допущения и оценки должны быть выполнены достаточно ясно и доступны для проверки и критики; выводы ученых не должны зависеть от личностей, репутации или частных интересов» [там же, 58]. Стоит отметить, что данные правила в первую очередь обезличивают ученого и полководца, делая их взаимозаменяемыми. Однако на практике зачастую является крайне важной именно личность полководца. Солдаты должны хорошо знать своего командира, чтобы идти за ним в бой и на потенциальную смерть.

Таким образом, концепция Квейда имеет ряд существенных недостатков, которые делают ее малоэффективной и малоприменимой на практике. Квейд в полной мере не отдает себе отчета в том, насколько быстро должны приниматься решения в условиях боевых действий и насколько важна роль личности полководца и его авторитета для боевого духа солдат. Если полководец будет постоянно советоваться с учеными, как ему поступить, его авторитет в глазах солдат будет неизбежно падать, поскольку получается, что полководец принимает решения несамостоятельно и сильно зависит от ученых. В связи с этим концепция принятия военных решений Теплова кажется более убедительной, чем идеи Квейда. В то время как Теплов разрабатывает конкретный набор правил, которые позволят полководцу проводить анализ и синтез окружающей его обстановки наиболее эффективно, Квейд предлагает делегировать эти полномочия ученым, потому что у них аналитические способности теоретического ума изначально развиты лучше, чем у военных.

В данном аналитическом обзоре рассмотрена концепция практического мышления Б.М. Теплова, выстроенная им в труде «Ум полководца» на материале психологического анализа принятия военных решений. При этом проведен сравнительный анализ этого труда с концепцией американского психолога

Э. Квейда, являющегося одним из авторитетнейших исследователей данного вопроса. Важно подчеркнуть, что Б.М. Теплов внес огромный вклад не только в определение основных механизмов ума полководца и в характеристику его индивидуальных особенностей, но также и в проблему творческого мышления как такового, в особенности при решении практических задач. Так, благодаря Б.М. Теплову было доказано, что теоретическое и практическое мышление имеют одинаковое отношение к практике и что практическое мышление является более ответственным, а потому и более важным. Как мы помним, до Теплова роль практического мышления была существенно занижена по сравнению с мышлением теоретическим, хотя еще С.Л. Рубинштейн отмечал необходимость их равновеликого психологического изучения. Опираясь на глубокий психологический анализ огромного историко-военного и персонологического материала, Б.М. Теплов совершил принципиальный переворот в понимании творческого мышления как такового и соотношения его теоретического и практического видов.

Мы не случайно обратились к анализу труда Э. Квейда, ибо в сравнении с ним достоинства и недостатки концепции Б.М. Теплова являются более рельефными. Так, концепция Теплова не объясняет того феномена, что успешные полководцы появляются крайне редко. Более того, выделенные им необходимые качества в своей совокупности встречаются настолько редко, что даже многие великие исторические деятели (такие, например, как Наполеон) не удовлетворяют всем тем критериям, которые предъявляет Теплов. С другой стороны, сильной стороной концепции Теплова является то, что он предлагает некоторый набор практик, которые позволят полководцу развить ту или иную способность. Так, например, развитая память очень помогает при анализе деталей, при составлении плана боевых действий, а всестороннее образование помогает эти детали идентифицировать. В результате, согласно концепции Теплова, лишь в руках полководца находится исход сражения, ибо лишь военачальник принимает конкретные решения, а потому потенциально способен быстро реагировать на изменяющиеся условия боя.

Концепция же Э. Квейда просто перекладывает ответственность за принятие решений с самого полководца на ученых, которые должны производить

анализ и экспертизу окружающей обстановки. Данное обстоятельство практически превращает войну в шахматную партию, где полководец является всего лишь одной из фигур, пусть и очень значимых. При этом подобное решение снижает скорость принятия решений и, как следствие, адаптируемость и гибкость плана, который необходимо корректировать в зависимости от действий противника.

Таким образом, работа Б.М. Теплова «Ум полководца» не только отобразила основные качества, которыми должен обладать полководец для эффективной деятельности, но и поныне является одной из самых реалистичных и практичных концепций, описывающих когнитивно-рефлексивные процессы и индивидуально-личностные качества полководца и особенности его ума. С учетом достижений зарубежной (Э. Квейд, Н. Коупленд, Г. Кунц, С.О. Донел и др.) и отечественной (А.В. Барабанщиков, А.Д. Глоточкин, А.А. Деркач, М.И. Дьяченко, В.П. Зинченко, Н.И. Конюхов, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов В.А. Пономаренко, Б.М. Теплов и др.) военной психологии российская воинская наука (А.И. Анохин, П.А. Корчемный, Л.Г. Лаптев, В.Г. Михайловский, С.И. Съедин, В.В. Шлягин, А.М. Шрамченко, В.Н. Яковлев и др.) изучает проблемы военно-профессиональной деятельности и эффективной организации воинского труда в современных социотехнических и геополитических условиях.

Заключение

Выявленные Б.М. Тепловым в результате изучения «Ума полководца» закономерности наглядно-действенного продуктивного мышления оказали существенное влияние на исследования психологии практического и творческого мышления отечественными психологами. Идеи Б.М. Теплова получили развитие в исследованиях продуктивного мышления на материале шахмат (Н.Г. Алексеев, М.Н. Блюменфельд, Д.Б. Богоявленская, В.Н. Пушкин, О.К. Тихомиров), решения творческих задач «на соображение» (см.: [Пономарёв, 1967; Семёнов, 1990]), при изучении мыслительных процессов в больших системах (И.А. Васильев, Д.Н. Завалишина, Ю.К. Корнилов, А.Н. Поддьяков, В.Н. Пушкин, О.К. Тихомиров), в творческой (Н.Г. Алексеев, В.А. Моляко, Я.А. Пономарёв,

И.Н. Семенов, М.Г. Ярошевский) и практической деятельности (см.: [Елисеенко, Семёнов, 2012; Казбеков, Семёнов, 2009]), а также в диагностике способностей (Д.Б. Богоявленская, Э.А. Голубева, В.Н. Дружинин, Н.С. Лейтес, А.М. Матюшкин, Д.В. Ушаков, В.Д. Шадриков и др.), индивидуальных особенностей практического интеллекта (см.: [Алексеев, Зарецкий, Семёнов и др., 1980; Казбеков, Семёнов, 2009]) и при изучении роли рефлексии в развитии одаренности (см.: [Семёнов, Рефлексия как фактор..., 1994]). Научно-исследовательская деятельность Б.М. Теплова является ярким примером единства применения качественных (в «Уме полководца») и количественных (в психофизиологии) методов в психологических и междисциплинарных исследованиях дифференциально-психологической проблематики творчества, способностей и индивидуальных различий в человекознании. Важно подчеркнуть, что междисциплинарный труд Теплова «Ум полководца» относится не только к психологии мышления и управления, личности и творчества, способностей и одаренности, но также к военному делу и истории, культурологии и эстетике.

Вклад Б.М. Теплова в развитие отечественной психологии определяется не только его успешной научно-организационной деятельностью (в Институте, МГУ, АПН РСФСР, Обществе психологов) и эффективной практической работой (в сфере медицинской и военной психологии) и педагогической работой (в виде преподавание психологии в школах и вузах на основе его оригинальных учебников), но главное – фундаментальными общепсихологическими исследованиями (ощущений, восприятия, мышления, способностей), образовавшими крупнейшую научную школу дифференциальной психофизиологии (см.: [Умрихин, 1987]), где до сих пор (см.: [Голубева, 1997; Пономарёв, Семёнов, Степанов, 1988]) происходит развитие идей Б.М. Теплова, ведется продуктивное изучение индивидуальных различий, общих и творческих способностей человека.

Библиография

1. Алексеев Н.Г., Зарецкий В.К., Семёнов И.Н. и др. К разработке комплексных средств диагностики индивидуальных особенностей мышления // Психодиагностика и школа. Таллинн: ИП ЭССР, 1980. С. 75-77.

2. Алексеев Н.Г. и др. Методология рефлексии концептуальных схем деятельности поиска и принятия решений. Новосибирск: НГУ, 1991. 74 с.
3. Алексеев Н.Г. и др. Мысли о мыслях. Новосибирск: НГУ, 1996.
4. Анохин А.И., Семёнов И.Н. Проблемы развития системы профессионального образования в Российской оборонной спортивно-технической организации. М., 2001.
5. Бершацкий Г.Н., Семёнов И.Н. Концептуальные модели интуиции и рефлексии в структуре творческого мышления и их апробирование в управлении // Рефлексивно-организационные проблемы формирования мышления и личности в образовании и управлении. М.: ИРПТиГО, 2003. С. 78-85.
6. Блюменфельд Б.М. К характеристике наглядно-действенного мышления // Известия АПН РСФСР. 1948. № 13. С. 175-203.
7. Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII-XX веков. М.: Флотиздат, 1992. 255 с.
8. Глоточкин А.Д., Платонов К.К. Историческое развитие сознания и личности // Военная психология. М.: Воениздат, 1972. С. 81-94.
9. Голубева Э.А. (ред.). Способности: К 100-летию Б.М. Теплова. Дубна: Феникс, 1997. 392 с.
10. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2006. 318 с.
11. Дмитриев А.П. Методология и методы военного исследования. М.: ВПА, 1973. 194 с.
12. Елисеенко А.С., Семёнов И.Н. Решение комплексных проблем в организационно-образовательных средах // Организационная среда XXI века. М.: МЭСИ, 2012. С. 95-99.
13. Зыков А.С. Как и чем управляются люди? / Опыт военной психологии. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1898. 179 с.
14. Казбеков К.А., Семёнов И.Н. Рефлексивно-личностные особенности принятия решений в процессе управления комплексными организационными системами // Акмеология. 2009. № 3. С. 100-102.
15. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Собрание сочинений в 8 томах. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. 718 с.

16. Квейд Э. Анализ сложных систем (методология анализа при подготовке военных решений). М.: Советское радио, 1969. 216 с.
17. Клаузевиц К. О войне. М.: Военная мысль, 1989.
18. Корнилов Ю.К. Психология практического мышления. Ярославль: ЯрГУ, 2001. 200 с.
19. Корчемный П.А., Лаптев Л.Г., Михайловский В.Г. (ред.) Основы военной акмеологии: в 2-х ч. М.: ВА им. Ф.Э. Дзержинского, 1996. Ч. 2. 317 с.
20. Ломов Б.Ф. (ред.). Инженерная психология в военном деле. М.: Воениздат, 1983. 324 с.
21. Ля Фе де. Происки и хитрости воинские, выписанные из истории греческих, латинских и французских, как древних, так и новых во образец и пользу всякого чина военным людям. СПб., 1759. 165 с.
22. Макиавелли Н. О военном искусстве. М.: Мысль, 2002.
23. Мунипов В.М., Алексеев Н.Г., Семёнов И.Н. Становление эргономики как комплексной научной дисциплины // Проблемы методологии в эргономике. М.: ВНИИТЭ, 1979.
24. Пономарёв Я.А. Психика и интуиция. М.: Политиздат, 1967. 256 с.
25. Пономарёв Я.А., Алексеев Н.Г., Семёнов И.Н. Исследование проблем психологии творчества // Вопросы психологии. 1979. № 4.
26. Пономарёв Я.А., Семёнов И.Н., Степанов С.Ю. (ред.). Психолого-педагогические аспекты развития творчества и рефлексии. М.: Философское общество, 1988. 276 с.
27. Пушкин В.Н. Оперативное мышление в больших системах. М.: Советское радио, 1965.
28. Реньге В.Э., Семёнов И.Н., Умрихин В.В. Концептуальные схемы социально-трудовой реабилитации // Мысли о мыслях. Новосибирск: НГУ, 1996.
29. Савинкин А.Е., Домнин И.В. (сост.) Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. М.: Русский путь, 2000. 184 с.
30. Семёнов И.Н. Душа // БСЭ. М.: СЭ, 1972. Т. 5.
31. Семёнов И.Н. К столетию психологического института РАО. Вехи, направления и методология исследований рефлексии в Московском психологиче-

- ском институте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2012. № 4. С. 76-107.
32. Семёнов И.Н. Методологические основы Московской школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества // Методологические концепции и школы в СССР (1951-1991): История, истоки и перспективы. Материалы международной науковедческой конференции. Новосибирск: НГУ, 1992. С. 35-55.
  33. Семёнов И.Н. Останкинская методологическая школа концептуальных схем деятельности в психологии и эргономике // Методологические концепции и школы в СССР (1951-1991). Новосибирск: НГУ, 1992. Ч. 2.
  34. Семёнов И.Н. Панорама развития философско-психологической системы С.Л. Рубинштейна в современном человекознании // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 106-116.
  35. Семёнов И.Н. Психологические проблемы развития творческих способностей в условиях гуманизации образования // Инновационная деятельность в образовании. 1994. № 1.
  36. Семёнов И.Н. Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. М.: НИИОПП АПН СССР, 1990. 216 с.
  37. Семёнов И.Н. Рефлексия как фактор развития одаренных школьников. Бийск: НИЦ БиГПИ, 1994.
  38. Семёнов И.Н., Степанов С.Ю. Рекомендации по диагностике практического интеллекта. Фрунзе: КГПИ, 1985. 28 с.
  39. Сунь-Цзы. Искусство войны // Антология мировой философии. М.: Мысль, 1998.
  40. Теплов Б.М. О культуре научного исследования // Избранные труды. М.: Педагогика, 1985. Т. 2. С. 310-337.
  41. Теплов Б.М. Об объективном методе в психологии // Известия АПН РСФСР. 1953. Вып. 45. С. 49-74.
  42. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 536 с.
  43. Теплов Б.М. Простейшие способы факторного анализа // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. М.: Просвещение, 1967. Т. 5. С. 239-286.

44. Теплов Б.М. Психологические исследования в области военно-маскировочного дела (1923-1927). М.: БФ «Твердослов», 2006. 168 с.
45. Теплов Б.М. Психология. Учебник для средней школы. 6-е изд. М.: Учпедгиз, 1952. 256 с.
46. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. М.: Наука, 2003. 379 с.
47. Теплов Б.М. Советская психологическая наука за 30 лет. М., 1947.
48. Теплов Б.М. (ред.) Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. М.: Просвещение, 1957-1967. Т. 1-5.
49. Теплов Б.М. Типологические свойства нервной системы и их значение для психологии. М.: Институт философии Академии наук СССР, 1962. 40 с.
50. Теплов Б.М. Ум полководца // Избранные труды: в 2-х т. М.: Педагогика, 1985. Т. I. С. 223-305.
51. У-Цзы. Об искусстве ведения войны. М.: Военная мысль, 2011.
52. Умрихин В.В. Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии. М.: Наука, 1987. 203 с.
53. Яковлев В.Н. (ред.) Воинский труд: наука, искусство, призвание. М.: Совершенство, 1998. 320 с.

**The scientific activities of B.M. Teplov
and his conception of a commander's creativity
in the process of practical thinking**

Sergei E. Lyubimov

Master's student,

Faculty of humanities,

National Research University

"Higher School of Economics",

101000, 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: sergey12321@ya.ru

Igor' N. Semenov

Doctor of Psychology, professor,
School of psychology, Faculty of social sciences,
National Research University
"Higher School of Economics",
101000, 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: i_samenov@mail.ru

Abstract

The article deals with the creative career path and scientific, pedagogical and organizational activities of B.M. Teplov, the outstanding Russian psychophysiologicalist of the mid-twentieth century and one of the academicians of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. Moreover, Teplov participated in the Great Patriotic War and made his contribution to victory. The article gives a detailed analysis of Teplov's conception "A military commander's mind" that is considered to be classical in military psychology. This work was written and published during the Great Patriotic War. It aroused professional interest not only among psychologists, but also among military leaders (for example, the Supreme Commander-in-Chief Marshal Stalin approved the work). The article presents an analytical review of B.M. Teplov's scientific activities and gives a comparative analysis of the conception of a commander's thinking, developed by B.M. Teplov, and the work of the outstanding foreign military psychologist E. Quade who studied military decision-making. The authors of the article pay attention to the development of B.M. Teplov' scientific school and point out the importance of his works for the modern psychology of productive thinking and the psychophysiology of individual differences as a general psychological basis for studying such topical areas of human study as psychology, acmeology and the pedagogy of practical thinking, abilities and giftedness.

Keywords

Military psychology, practical thinking, commander's activities, individual differences, differential psychophysiology, personology, acmeology, pedagogy.

For citation

Lyubimov S.E., Semenov I.N. (2015) Nauchnaya deyatel'nost' B.M. Teplova i ego kontseptsiya tvorchestva polkovodtsa v protsesse prakticheskogo myshleniya [The scientific activities of B.M. Teplov and his conception of a commander's creativity in the process of practical thinking]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 3, pp. 9-51.

References

1. Alekseev N.G. et al. (1991) *Metodologiya refleksii kontseptual'nykh skhem deyatel'nosti poiska i prinyatiya reshenii* [The methodology of reflection of the conceptual schemes of activities relating to seeking and making decisions]. Novosibirsk: NGU Publ.
2. Alekseev N.G. et al. (1996) *Mysli o myslyakh* [Thoughts about thoughts]. Novosibirsk: NGU Publ.
3. Alekseev N.G., Zaretskii V.K., Semenov I.N. et al. (1980) K razrabotke kompleksnykh sredstv diagnostiki individual'nykh osobennostei myshleniya [On developing a comprehensive diagnostics of the individual characteristics of thinking]. In: *Psikhodiagnostika i shkola* [Psychodiagnosics and school]. Tallinn: IP ESSR Publ., pp. 75-77.
4. Anokhin A.I., Semenov I.N. (2001) *Problemy razvitiya sistemy professional'nogo obrazovaniya v Rossiiskoi oboronnoi sportivno-tekhnicheskoi organizatsii* [Problems relating to the development of the professional education system in the Russian Defence Sports and Techniques Organization]. Moscow.
5. Bershatskii G.N., Semenov I.N. (2003) Kontseptual'nye modeli intuitsii i refleksii v strukture tvorcheskogo myshleniya i ikh aprobirovaniye v upravlenii [The conceptual models of intuition and reflection in the structure of creative thinking and testing them in management]. In: *Refleksivno-organizatsionnye problemy formirovaniya myshleniya i lichnosti v obrazovanii i upravlenii* [Reflective-organizational problems relating to thinking and personality formation in education and management]. Moscow: IRPTiGO Publ., pp. 78-85.

6. Blyumenfel'd B.M. (1948) K kharakteristike naglyadno-deistvennogo myshleniya [On the characteristics of the visual active thinking]. *Izvestiya APN RSFSR* [News of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR], 13, pp. 175-203.
7. Clausewitz C. (1833) *Vom Kriege*. Berlin: Dümmler. (Russ. ed.: Klauzevits K. (1989) *O voine*. Moscow: Voennaya mysl' Publ.)
8. Dmitriev A.P. (1973) *Metodologiya i metody voennogo issledovaniya* [Methodology and methods in military studies]. Moscow: VPA Publ.
9. Eliseenko A.S., Semenov I.N. (2012) Reshenie kompleksnykh problem v organizatsionno-obrazovatel'nykh sredakh [Solving complex problems in organizational and educational environment]. In: *Organizatsionnaya sreda XXI veka* [Organizational environment in the 21st century]. Moscow: MESI Publ., pp. 95-99.
10. Glotchkin A.D., Platonov K.K. (1972) Istoricheskoe razvitie soznaniya i lichnosti [Historical development of consciousness and personality]. *Voennaya psikhologiya* [Military psychology]. Moscow: Voenizdat Publ., pp. 81-94.
11. Golubeva E.A. (ed.). (1997) *Sposobnosti: K 100-letiyu B.M. Teplova* [Abilities: Marking the centenary of the birth of B.M. Teplov]. Dubna: Feniks Publ.
12. Husserl E. (1977) *Cartesianische Meditationen*. Hamburg: Meiner. (Russ. ed.: Gusserl' E. (2006) *Kartezianskie razmyshleniya*. St. Petersburg: Nauka Publ.)
13. Kant I. (1786) *Mutmaßlicher Anfang der Menschengeschichte*. (Russ. ed.: Kant I. (1994) *Predpolagaemoe nachalo chelovecheskoi istorii. Sobranie sochinenii v 8 tomakh* [Collected works in 8 volumes]. Vol. 8. Moscow: ChORO Publ.)
14. Kazbekov K.A., Semenov I.N. (2009) Refleksivno-lichnostnye osobennosti prinyatiya reshenii v protsesse upravleniya kompleksnymi organizatsionnymi sistemami [Reflective-personal features of decision-making in the management of complex organizational systems]. *Akmeologiya* [Acmeology], 3, pp. 100-102.
15. Korchemnyi P.A., Laptev L.G., Mikhailovskii V.G. (eds.) (1996) *Osnovy voennoi akmeologii: v 2-kh ch.* [Fundamentals of military acmeology: in 2 parts]. Part 2. Moscow: VA im. F.E. Dzerzhinskogo Publ.
16. Kornilov Yu.K. (2001) *Psikhologiya prakticheskogo myshleniya* [Psychology of practical thinking]. Yaroslavl: YarGU Publ.

17. La Fé de (1704) *Les stratagèmes et les ruses de guerre: tirez des historiens grecs, latins & françois, tant anciens que moderne. Ouvrage autant utile aux generaux d'armées, q'aux officiers particuliers, ainsi qu'à toutes sortes de gens d'armes, pour surprendre les ennemis & pour éviter d'en être surprise*. Augspourg: Kroninger. (Russ. ed.: Lya Fe de (1759) *Proiski i khitrosti voinskie, vypisannye iz istorii grecheskikh, latinskikh i frantsuzskikh, kak drevnikh, tak i novykh vo obrazets i pol'zu vsyakogo china voennym lyudyam*. St. Petersburg.)
18. Lomov B.F. (ed.) (1983) *Inzhenernaya psikhologiya v voennom dele* [Military engineering psychology]. Moscow: Voenizdat Publ.
19. Machiavelli N. (1971) *Dell'arte della guerra*. Firenze: Sansoni. (Russ. ed.: Machiavelli N. (2002) *O voennom iskusstve*. Moscow: Mysl' Publ.)
20. Munipov V.M., Alekseev N.G., Semenov I.N. (1979) Stanovlenie ergonomiki kak kompleksnoi nauchnoi distsipliny [The making of ergonomics as a complex scientific discipline]. In: *Problemy metodologii v ergonomike* [Problems of methodology in ergonomics]. Moscow: VNIITE Publ.
21. Ponomarev Ya.A. (1967) *Psikhika i intuitsiya* [Psyche and intuition]. Moscow: Politizdat Publ.
22. Ponomarev Ya.A., Alekseev N.G., Semenov I.N. (1979) Issledovanie problem psikhologii tvorchestva [The study of the problems of psychology of creativity]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology], 4.
23. Ponomarev Ya.A., Semenov I.N., Stepanov S.Yu. (eds.) (1988) *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty razvitiya tvorchestva i refleksii* [Psychological and pedagogical aspects of the development of creativity and reflection]. Moscow: Filosofskoe obshchestvo Publ.
24. Pushkin V.N. (1965) *Operativnoe myshlenie v bol'shikh sistemakh* [Operational thinking in large systems]. Moscow: Sovetskoe radio Publ.
25. Quade E. (1964) *Analysis for military decisions*. Chicago: Rand McNally College Publishing Company. (Russ. ed.: Kveid E. (1969) *Analiz slozhnykh sistem (metodologiya analiza pri podgotovke voennykh reshenii)*. Moscow: Sovetskoe radio Publ.)
26. Ren'ge V.E., Semenov I.N., Umrikhin V.V. (1996) Kontseptual'nye skhemy sotsial'no-trudovoi reabilitatsii [Conceptual schemes of social and labour reha-

- bilitation]. In: *Mysli o myslyakh* [Thoughts about thoughts]. Novosibirsk: NGU Publ.
27. Savinkin A.E., Domnin I.V. (comp.) (2000) *Strategiya dukha: Osnovy vospitaniya voisk po vzglyadam A.V. Suvorova i M.I. Dragomirova* [The strategy of the spirit: Fundamentals of training troops according to A.V. Suvorov and M.I. Dragomirov]. Moscow: Russkii put' Publ.
  28. Semenov I.N. (1972) Dusha [Soul]. In: *BSE* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
  29. Semenov I.N. (2012) K stoletiyu psikhologicheskogo instituta RAO. Vekhi, napravleniya i metodologiya issledovaniy refleksii v Moskovskom psikhologicheskom institute [On the centenary of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. Milestones, trends and research methodologies of reflection in the Moscow Psychological Institute]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 4, pp. 76-107.
  30. Semenov I.N. Metodologicheskie osnovy Moskovskoi shkoly reflektivno-gumanitarnoi psikhologii i pedagogiki tvorchestva [Methodological fundamentals of the Moscow school of reflective humanistic psychology and pedagogy of creativity]. *Metodologicheskie kontseptsii i shkoly v SSSR (1951-1991): Istoriya, istoki i perspektivy. Materialy mezhdunarodnoi nauchedcheskoi konferentsii* [Methodological conceptions and schools in the USSR (1951-1991): The history, origins and prospects. Materials of the international scientific conference]. Novosibirsk, 1992, pp. 35-55.
  31. Semenov I.N. (1992) Ostankinskaya metodologicheskaya shkola analiza kontseptual'nykh skhem deyatelnosti v psikhologii i ergonomike [Ostankino methodological school of the analysis of conceptual schemes of activities in psychology and ergonomics]. In: *Metodologicheskie kontseptsii i shkoly v SSSR (1951-1991). Ch. 2* [Methodological conceptions and schools in the USSR (1951-1991). Part 2]. Novosibirsk: NGU Publ., pp. 50-67.
  32. Semenov I.N. (2009) Panorama razvitiya filosofsko-psikhologicheskoi sistemy S.L. Rubinshteina v sovremennom chelovekoznanii [A panorama of S.L. Rubinshtein's philosophical and psychological system in modern human study]. *Psik-*

- hologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 6 (3), pp. 106-116.
33. Semenov I.N. (1990) *Problemy refleksivnoi psikhologii resheniya tvorcheskikh zadach* [Problems of reflexive psychology in coping with intellectually demanding tasks]. Moscow: NIIOPP APN SSSR Publ.
34. Semenov I.N. (1994) *Psikhologicheskie problemy razvitiya tvorcheskikh sposobnostei v usloviyakh gumanizatsii obrazovaniya* [Psychological problems relating to the development of creative abilities in the context of humanization of education]. *Innovatsionnaya deyatel'nost' v obrazovanii* [Innovation activity in education], 1.
35. Semenov I.N. (1994) *Refleksiya kak faktor razvitiya odarenykh shkol'nikov* [Reflection as a factor in the development of gifted schoolchildren]. Biysk: NITs BiGPI Publ.
36. Semenov I.N., Stepanov S.Yu. (1985) *Rekomendatsii po diagnostike prakticheskogo intellekta* [Guidelines on the diagnostics of practical intelligence]. Frunze: KGPI Publ.
37. Sun Tzu (1998) *Iskusstvo voiny* [The art of warfare]. In: *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of world philosophy]. Moscow: Mysl' Publ.
38. Teplov B.M. (1985) *O kul'ture nauchnogo issledovaniya* [On the culture of scientific research]. In: *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 310-337.
39. Teplov B.M. (1953) *Ob ob"ektivnom metode v psikhologii* [On the objective method in psychology]. *Izvestiya APN RSFSR* [News of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR], 45, pp. 49-74.
40. Teplov B.M. (1961) *Problemy individual'nykh razlichii* [Problems of individual differences]. Moscow: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR.
41. Teplov B.M. (1967) *Prosteishie sposoby faktornogo analiza* [The simplest methods of the factor analysis]. In: *Tipologicheskie osobennosti vysshei nervnoi deyatel'nosti cheloveka* [Typological features of higher nervous activity in man]. Vol. 5. Moscow: Prosveshchenie Publ., pp. 239-286.
42. Teplov B.M. (2006) *Psikhologicheskie issledovaniya v oblasti voenno-maskirovochnogo dela (1923-1927)* [Psychological research in the field of military camouflage (1923-1927)]. Moscow: BF "Tverdoslov" Publ.
-

43. Teplov B.M. (1952) *Psikhologiya* [Psychology]. 6th ed. Moscow: Uchpedgiz Publ.
44. Teplov B.M. (2003) *Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostei* [The psychology of musical abilities]. Moscow: Nauka Publ.
45. Teplov B.M. (1947) *Sovetskaya psikhologicheskaya nauka za 30 let* [Soviet psychological science for 30 years]. Moscow.
46. Teplov B.M. (ed.) (1957-1967) *Tipologicheskie osobennosti vysshei nervnoi deyatel'nosti cheloveka* [Typological features of the higher nervous activity in man]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
47. Teplov B.M. (1962) *Tipologicheskie svoistva nervnoi sistemy i ikh znachenie dlya psikhologii* [Typological properties of the nervous system and their significance in psychology]. Moscow: Institut filosofii Akademii nauk SSSR Publ.
48. Teplov B.M. (1985) *Um polkovodtsa* [A military commander's mind]. *Izbrannye trudy: v 2-kh t.* [Selected works: in 2 vol.]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 223-305.
49. U Tzu (2011) *Ob iskusstve vedeniya voiny* [On the art of warfare]. Moscow: Voennaya mysl' Publ.
50. Umrikhin V.V. (1987) *Razvitie sovetskoi shkoly differentsial'noi psikhofiziologii* [The development of the Soviet school of differential psychophysiology]. Moscow: Nauka Publ.
51. *Voенно-psikhologicheskie vzglyady russkikh voennykh deyatelei XVIII-XX vekov* [Military and psychological views of the Russian military figures of the 18th-20th centuries] (1992). Moscow: Flotizdat Publ.
52. Yakovlev V.N. (ed.) (1998) *Voinskii trud: nauka, iskusstvo, prizvanie* [Military labour: science, art, vocation]. Moscow: Sovershenstvo Publ.
53. Zыkov A.S. (1898) *Kak i chem upravlyayutsya lyudi?* [How are people handled?] In: *Opyt voennoi psikhologii* [The experience of military psychology]. St. Petersburg: Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za".